

НАВЕЯНО ГЕНИЕМ

Мы созданы для жизни на природе. Никогда не узнать в сельских красавицах тех невзрачных приезжих девчушек, какими они выглядят на шумных бульварах.

Здесь, в деревне, им идёт всё: выцветшее короткое платьице, широкие резиновые ботинки в дождь, даже ватник, в сумерки наброшенный на плечи. Здесь можно громко говорить и смеяться, можно, разметав загорелые руки, вприпрыжку сбежать с косяга, лёгким движением взбить и оставить в беспорядке свои длинные каштановые волосы.

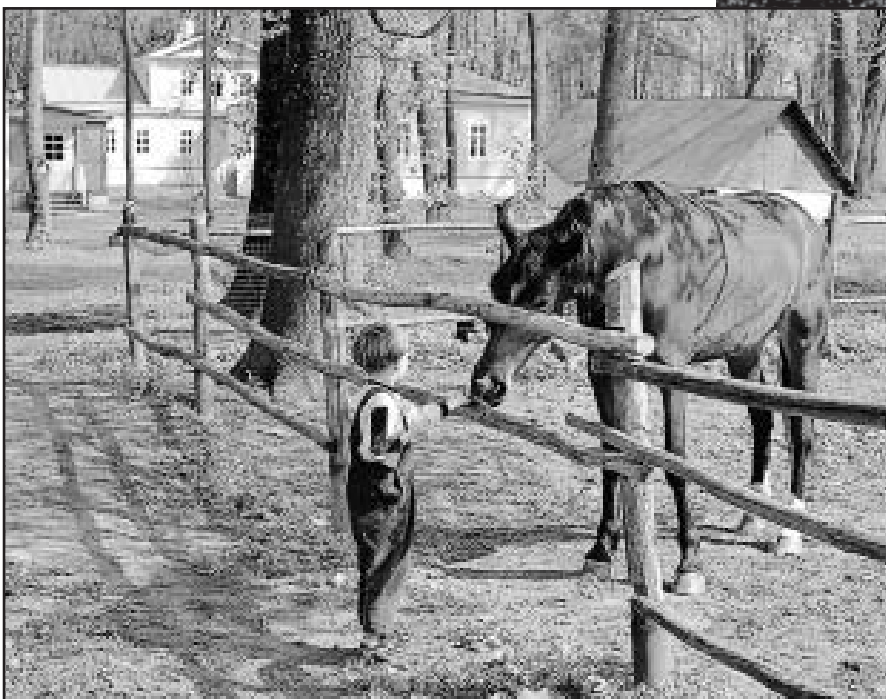
Девичьи глаза могут зажечься радостью, затем вдруг наполниться слезами, лицо исказится в неуловимой гримаске — и всё это получается естественным, жизненным, без надоевшего налёта приличий и правил, предписывающих, как плакать, как смеяться.

Сладко бродить босиком, в пропотевшей рубашке и старых

«Стой, остановись, посмотри, как я хороша, как я пропитана влагой и жизнью, моё тело мягко, взглядишь в него, послушай, как оно дышит».

И останавливаешься, нажимаешь носком на остатки прошлогодней бурой травы, ловишь её ускользящий запах, смотришь на лопающиеся под ногой пузырьки воздуха, слушаешь пенный вздох кочки и думаешь: «Наши мелкие мечты и тщесочный привкус лета. Золотая устоявшаяся теплынь уже не щекочет, не обжигает терпкой новизной, как в мае, ею уже все насытились. К ней привыкли, почти всерьёз поверили, что она не иссякнет.

Утопающие в рыжем подзоле. Вечерняя свежесть ещё не отдаёт пронзительной прохладой, прохлада есть, но она тихая, спокойная, задумчивая, её не замечашь, её просто пьёшь. Нынешний июль родился именно влажным. Летние дни истлевают, так и не сумев разгореться, сумрачные закаты сменяются настоящей осенней мокредью, она сидит в траве, в

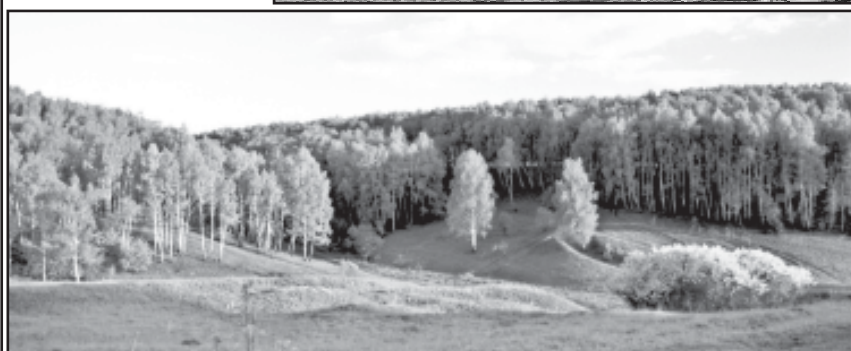
верящих в эту удачную погоду. С места в карьер рванёт страда, сшибёт со своего пути все иные заботы. Утонут они во властном шуме, сделаются подголосками, почти неприметными, неразличимыми.

И все уже ругать будут жару, чуя подвох, уже поползут разговоры, что зерно течёт из колоса и что забирают его прямым комбайнированием, без валков, с горячего стебля.

А потом неслышно запылет бабье лето — урочный сытый час вздохов ни о чём. Старательно будут дышать гуляки последним теплом, дружно думая, что грустят именно о нём, уходящем.

Но нет, ничто не уходит. Прошедшие дни то и дело всплывают вновь, разворачиваются знакомым ярким веером на сегодня лишь сотканном полотне слов, поступков — и переливаются, вкрапливаются в ещё не существующую ткань завтрашних дней. И приходит чувство вечности.

И лучше всего понимаешь это в местах святых, паломнических, причащённых. В таких, к примеру, как наше Спасское. Высокий дух и светлый воздух, навеянные гением, вновь исцелят нас и подвигнут к дальнейшей жизни.

брюках, которые не боятся зазеленить о траву. Сказочно здесь даже в апрельскую распутицу. В сапогах и рыбацкой куртке шлёпаешь по раскисшим тропам — и земля откликается на каждый шаг ласковым шепотом; кажется, она нарочно обхватывает твои ноги клейкими объятиями, стараясь сказать:

главные потуги — всё это прочь. Только бы жить и видеть эту истлевшую, но такую вечную влажную былинку».

Далека уже весна, сейчас делятся самые любимые дни — июльские. В эту пору воздух пропитывается запахом переспелых ягод и подспевающих яблок, губы сластит несмываемый,

И даже если июль выдался дождливым, в памяти он всегда останется счастливой искоркой. Милые огородные хлопоты, когда земля вполне теплая, когда ещё просыхает всего за день даже после самого холодного и затяжного дождя и только сильнее пахнет, нежнее ласкает босые детские пятки,

листьях, держится цепко, уходит неохотно. Случайным солнечным прогалом люди уже как бы и удивляются: неужто солнце ещё в такой силе, ещё может припекать так лихо.

Конечно — ведь ещё полсрока впереди. Лето раздует в азарте жаркие меха, и радостная оторопь возьмёт хлебных людей, не

Юрий ФИЛЬЧАКОВ.
На снимках: виды Спасского.
Фото Виктора ДЫШЛЕНКО.